

jednostki naukowo-dydaktycznej, będącej początkowo częścią filologii polskiej, stopniowo rozwijającej się, aż do osiągnięcia samodzielności i funkcjonowania jako odrębny Instytut. Wszelkie dotychczasowe osiągnięcia, co podkreśla A. Woźniak, przybliżając historię ośrodka slawistycznego na Katolickim Uniwersytecie Lubelskim, były możliwe dzięki zaangażowaniu ludzi w budowanie historii tej jednostki. Niewątpliwie nieocenione zasługi wniósł śp. prof. Ryszard Łużny – inicjator przedsięwzięcia, wciąż obecny w pamięci współpracowników chcących kontynuować rozpoczęte przez niego dzieło tworzenia „mikrohistorii”.

Mamy nadzieję, iż omawiany tom, pionierski w badaniach nad Historią w literaturze Słowian, spójny w formie i treści, posiadający przejrzystą strukturę, zapoczątkuje dalsze badania na ten temat, z pewnością wymagające kontynuowania, bowiem, jak pisze A. Woźniak: „Historia [...] jako forma poznawania, zdobywania wiedzy o świecie i o sobie samym przez człowieka, warta jest refleksji i badania w każdej epoce dziejów” (s. 78).

Agnieszka Lenart
Instytut Filologii Słowiańskiej KUL

Monika Sidor, *Rosja i jej duchowość. Proza „pierwszej fali” emigracji rosyjskiej*, Lublin: Wydawnictwo KUL 2009, ss. 213.

Творчество эмигрантов первой волны лишь с недавнего времени стало объектом глубоких научно-исследовательских изучений. Ранее неизвестные, скрытые источники и архивы, находящиеся в России и за ее пределами, были открыты для глубинного анализа и рассмотрения культурного наследия эмиграции первой волны лишь во второй половине 90-х годов. Библиографы, архивисты, литераторы, историки литературы объединяют свои усилия в исследованиях важнейшего в истории и культуре России эмигрантского периода. Существующие противоречивые мнения и суждения об эмигрантском наследии писателей свидетельствуют о неисчерпаемости исследований данной проблематики.

Отдельного внимания, в этой связи, заслуживает монография польской исследовательницы Русского Зарубежья, Моника Сидор, *Rosja i jej duchowość. Proza „pierwszej fali” emigracji rosyjskiej*. Предметом исследований явилась проблема духовности в творческом наследии писателей, которая, несмотря на наличие ряда исследовательских работ, все еще не утратила своей актуальности. В монографии автор широко рассматривает духовное достояние писателей старшего поколения: Ивана Шмелева, Бориса Зайцева, Ивана Бунина и Алексея Ремизова, а именно те произведения писателей, которые не

были полномасштабно изучены в религиозной перспективе. В работе представлен большой массив текстов-источников, которые позволили автору монографии показать отличие в подходе писателей-эмигрантов к духовным ценностям, причем духовное наследие исследовательница понимает как основы народного сознания (с. 12).

Не без основания можно утверждать, что данная монография представляет собой значительный научный труд, который в дальнейшем будет способствовать развитию научных и исследовательских работ, посвященных проблеме эмиграции. Безусловная ценность настоящей работы обусловлена анализом литературного наследия одновременно четырех видных представителей старшего поколения, творчество которых отличается богатством художественного мира. Монография Моники Сидор как по охвату теоретического материала, так и источниковедческой базе, глубине затронутых вопросов является основательным литературоведческим трудом. Теоретический инструментарий работы позволяет ее автору рассматривать произведения прозаиков адекватно к выбранному ракурсу.

Монография состоит из введения, трех глав и заключительной части: I. *Pisarze emigracyjni wobec tradycji prawosławnej*; II *Motywy religijne w twórczości diaspory*; III *Problematyka Rosji w utworach emigracyjnych*. Небезынтересно отметить, что первый подраздел во всех главах работы посвящен теоретической части рассуждений, вводящих в проблематику данной главы.

Во введении исследовательница делает короткий обзор эмиграции первой волны, рассуждает о ее причинах и последствиях. Особое внимание автор книги обращает на идеологические споры в эмигрантской среде, а также на единство русской культуры, являющееся залогом сохранения русской идентичности.

В первой главе исследовательница делает попытку осмысления Православия как русской религии и его места в русской культуре. Сидор пытается определить феномен святости сквозь призму философско-религиозной мысли и тип русской православной духовности, отмечая в ней тесное взаимодействие с народной культурой, и как следствие, – неизбежность проникновения в нее элементов языческих воззрений.

В рассмотрении связей между литературой и религией в качестве теоретической базы автору послужили работы польского ученого Стефана Савицкого, определившего способы присутствия религии в художественном тексте и пришедшего к выводу о существовании наряду с „библейским *sacrum*” „*sacrum* литературного”, создаваемого средствами искусства.

Анализ и характеристика духовного мира в произведениях исследуемых писателей показывает разницу в их подходе к проблемам духовности. Несмотря на отличительные творческие пути и мировоззрения прозаиков, Сидор обращает внимание на объединяющий фактор, – в эмиграции они обратились к идее Святой Руси, показанной как в историческом плане, так в образе народа и власти (с. 184).

В первой главе исследовательница сосредоточилась на обзоре художественного творчества писателей, а именно на тех аспектах и особенностях поэтики, которые экспонируют религиозные тенденции. В проделанном анализе, автору монографии очень удачно, на наш взгляд, удалось с помощью характеристики духовного мира избранных произведений показать разнообразие подхода к проблеме веры и религии как таковой. Автор книги подчеркивает, что всем прозаикам свойственны индивидуальные, во многом отличительные взгляды на христианские вопросы. Те же самые мотивы, темы, появившиеся у Бунина, Зайцева, Шмелева и Ремизова, приобретают другую интерпретацию, иногда крайне отличную.

Итак, *Богомолье* и *Лето Господне* Шмелева были проанализированы исследовательницей с точки зрения повествовательной перспективы, позволившей показать сказочный мир Древней Руси с ее богатыми традициями. Автор монографии сосредоточивает свое внимание на обилии православных праздников, представленных в романах, и связанных с ними традиций и обрядов, а также их роли в жизни героев. Исследовательница приходит к выводу, что в понимании праздников и православной веры как таковой Шмелев не выходит за рамки ее народного толкования, о чем свидетельствует хотя бы восприятие Святой Троицы, представленное в *Лете Господнем*: герой ожидал наглядной встречи с Троицей, воспринимая Бога в трех лицах. Религиозные чувства героя, вызванные церковными церемониями – чувство страха, восхищения – Сидор сводит к нуминозному чувству, охарактеризованному Рудольфом Отто (с. 40-41). Религиозная практика, по мнению Шмелева, позволяет понимать догматы и самого себя, как члена православной общины (с. 47).

Наиболее интересными нам представляются наблюдения в области религиозного творчества Бориса Зайцева. Исследовательница отмечает тонкости раннего творчества прозаика, раскрывая поэтические особенности художественного мира – бессюжетность и акварельность. Пантеистическая модель мира представлена в рассказах первого сборника: *Волки*, *Мгла*, *Священник Кронид* и *Сон*. Однако, уже в романах *Дальний край* и *Голубая звезда*, констатирует Сидор, наблюдается творческая эволюция прозаика – пантеизм уступает место религиозным христианским мотивам. Религиозно-духовное преобразование человека становится одной из фундаментальных проблем во всем эмигрантском творчестве Зайцева. Еще с большей силой религиозная нота звучит в первом эмигрантском романе *Золотой узор*, который в жанровом смысле определяется как исповедь рассказчицы о своей судьбе. Автор монографии указывает на важность символического пути главной героини романа, – от грешности к праведности. В дальнейшей части анализируется тетралогия *Путешествие Глеба*, представляющая этапы формирования внутреннего мира человека на пути к праведности. Особый интерес представляет экземплификация двух противоположных отношений к Богу: первый, относящийся к Глебу – рациональное объяснение существования Бога, и второй, относящийся к отцу Парфению – понимание Бога здесь не сводится к умению объяснить Его волю, а лишь к подчинению ей. Автор монографии удачно пока-

зывает поэтапный путь героя к вере, от поиска вечной красоты и связи со Вселенной, до утверждения себя в другом человеке, в любви к Богу и людям.

Религиозный вопрос не стоит особняком также в творчестве Алексея Ремизова. Еще в произведениях дореволюционного периода прозаик разработал собственную концепцию Бога и человека, что особенно выразительно видно в *Пруде*, *Крестовых сестрах* и *Канве*. Особое внимание в этом плане Сидор уделяет философской концепции Ремизова о существовании в мире зла, страха и боли. Из-за страдания и мук человеческая жизнь у Ремизова лишена всякого смысла и надежды. Исследовательница указывает на парадоксальный факт в послереволюционном творчестве прозаика: появление в ремизовском человеке исконного стремления к добру. Образ Христа, Богородицы, святого Николая также занимает особое место в произведениях писателя. Герои прозаика возносят молитвы, просьбы, чаяния. Несмотря на то, что Христос – это Бог, он близок человеку через свои крестные страдания. Автор монографии приходит к выводу об отождествлении Ремизовым Христа с Россией, сравнивающего ее страдания с жертвой Богочеловека. Ситуация в стране отождествляется с религиозными идеями, в результате которых возникает образ России, т.е. Страдающего Христа. Вслед за Анной Возьяк, автор книги определяет религию писателя как „неофициальное, народное православие”.

Не менее интересным в плане религиозной проблематики представляется анализ творчества Ивана Бунина. Уже вначале рассуждений исследовательница экспонирует главную проблему бунинского творчества – жизнь человека. Загадочность человеческой жизни писатель пытался понять разумом, ища ответы в разных религиозных мировоззрениях. Сидор отмечает заинтересованность Бунина культурой и религией Востока, как следствие путешествия писателя на Восток. В произведениях *Тень птицы*, *Чаша жизни* отмечено новое, обогащенное буддийскими элементами определение смысла жизни и смерти (с. 69). Во всех конфессиях писатель просматривал проблески неземной правды, ссылаясь одновременно на буддизм, таоизм и ведизм. Исследовательница констатирует, что только в некоторых произведениях, причем скорее поверхностно, чем углубленно, Бунин затрагивает вопрос веры. В произведении *Распятые* повествователь концентрирует свое внимание только на внешнем описании распятия Христа, Его божественные черты остаются без внимания прозаика. Характерно, что крест представляется позеленевшим от старости, обросшим мхом, и, что самое главное, лишенным сакрального смысла. Несмотря на это, исследовательнице представляется возможным замечать в произведении *Распятые* некое согласие между собравшимися у распятия лицами и Христом, протягивающим к ним руки. Этот жест, подчеркивает Сидор, в богословии интерпретируется как акт самопожертвования во имя человечества (с.72). Пессимистическое отношение писателя к православной вере и ее догматам хорошо показано в произведении *Пожар*, в частности, на основании сцены, где герой отказывается бороться со стихией огня.

Во второй главе монографии *Motywy religijne w twórczości diaspory*, М. Сидор дает относительно сжатую характеристику понятия святости, ограничиваясь исследованиями по проблематике святости и сакральности феноменологами религии Р. Отто и М. Элиде, а также российскими исследователями В. Топоровом и Г. Федотовым. Итак, святым, пишет исследовательница, является тот, кто благодаря своим добродетелям и согласно с волей Божьей приобрел состояние сверхприродного совершенства и стал предметом культа (с. 80).

Моника Сидор делает сравнительный анализ образов святых у писателей-эмигрантов, пытаясь уловить и представить отличия этих образов и их общие черты. В анализе произведений-житий исследовательница обращает внимание на степень, в которой эмигрантские писатели следовали агиографическому жанру житий. Например, анализ жития *Преподобного Сергия Радонежского* Зайцева показал, что произведение написано согласно схеме классических византийских житий, однако, вслед за другими исследователями творчества автора *Золотого узора*, Сидор отмечает трансформацию структурных рамок жития из-за активной позиции повествователя, обогащающего его многочисленными комментариями.

К агиографическому творчеству Зайцева принадлежат другие книги: *Алексей Божий Человек*, *Иоанн Кронштадский*, *Сердце Авраамия*. Из серии житий в русском зарубежье вышли книги: *Святой Тихон Задонский*, З. Гиппиус, *Серафим Саровский* В. Ильина, *Святой Филипп Митрополит Московский* Г. Федотова и ряд других. Несмотря на то, что указанные жизнеописания похожи по своей форме, вопрос святого и святости в них представляется поразному. М. Сидор утверждает, что в книгах Ильина и Гиппиус герои изначально являются избранниками, поэтому их жизнь от рождения обилует чудесными событиями, «вырывающими» будущих святых из рамок повседневности. Уместно добавить, что книги Ильина и Зайцева были изданы практически в одно и то же время, неудивительно, что многие критики прибегали к их сравнению.

К агиографическим мотивам обращался также Алексей Ремизов, создавший немало агиографических переработок житий и апокрифов, в частности цикл *Образ Николая Чудотворца* и рассказы *Три серпа*. *Московские любимые легенды*. Диссонанс этих произведений, подчеркивает автор монографии, создают современные названия и сравнения, вводимые в средневековое пространство (с. 88) Исследовательница отмечает, что святой Николай в ремизовских легендах теряет уважение: такой образ соответствует народному восприятию и не является чисто каноническим.

Иначе образ святых представлен в двухтомном собрании Елизаветы Скобцовой *Жатва духа* – отмечает автор монографии. Здесь Сидор акцентирует внимание на структуре житий, которая, по мнению исследовательницы, лишена хронологии классических образцов агиографической литературы. В них не говорится каким образом святой приходит к Богу, а тем более как Бог появляется в его жизни; истина призвания к святости остается тайной.

Очередными анализируемыми проявлениями святости являются народная обрядность и культ икон. Итак, в произведениях Шмелева делается уклон на правила достойной жизни, следование церковным правилам и приспособление хозяйственных работ к литургическому календарю. Все действия, в которых принимают участие герои произведений, приобретают другое измерение, они становятся частью «сакрального времени», в котором происходит искупление грехов. Для Шмелева православные обряды являются элементом чудесного прошлого и очаровательного детства, проведенного на Родине – пишет Сидор. В отличие от Шмелева, констатирует исследовательница, Ремизов в своих книгах показывает кризис святости, вызванный историческим переворотом, что вовсе не означает отрицания им сути веры. Сравнивая двух писателей, Сидор усматривает в их творчестве точки соприкосновения, а именно их взгляд на действительность, которая при отсутствии святости является псевдо действительностью, где человек становится всего лишь жертвой иллюзорных теорий о своей значимости.

Обилие в мире зла – следующий мотив, экспонируемый в монографии Моники Сидор. В работе представлена многовекторность явления, показаны обстоятельства, в которых герои сталкиваются со злыми силами. Категория зла и греха, наблюдаемая в произведениях эмигрантов, лишней раз экспонирует разный подход прозаиков к вере. Обратим внимание только на некоторые аспекты изображения зла, очень интересно и удачно проанализированные автором книги. Свои исследования Сидор начинает с тех произведений, в которых проблема зла наблюдается в тематической плоскости. Мотив дьявола часто появляется у Ремизова, у которого проблема зла и демонизма свойственна всему творчеству. Дьявол, как страшный противник Бога, был представлен в произведении *Образ Николая Чудотворца и Савва Грудцын*. В первом произведении демон является в пустыни св. Николаю в виде ангела света. Такая ситуация отсылает к сцене искушения Иисуса в пустыне. Неустанная борьба дьявола и Бога показана также в некоторых произведениях Шмелева (*Лето Господне, Богомолье*), однако, его герои боятся злых духов не столько потому, что осознают свою греховность, отмечает Сидор, сколько потому, что боятся самой встречи с ужасным чудовищем.

В третьей главе монографии *Problematyka Rosji w utworach emigracyjnych* М. Сидор дает историческое обоснование идеи Святой Руси, все еще вызывающей интерес исследователей разных направлений и являющейся актуальным ориентиром в вопросе осмысления русского Православия. Тему России Сидор рассматривает в мифологическом и сакральном значении. Сакрализация Родины и потерянной России позволяет прозаикам затронуть вопрос народной идентичности, русского национального характера и исключительности русского народа. У четырех литераторов прошлое и настоящее сосуществуют, взаимно дополняясь. Сегодняшние происшествия являются продолжением прошлого, его результатом. Особый интерес представляет эпос власти, рассмотренный Моникой Сидор в связи с не принятием русской интеллигенцией новой системы власти. Исследовательница отмечает, что царь и револю-

ционные предводители по-разному представляются у прозаиков. Например, у Шмелева в книгах *Богомолье* и *Преображенец* царь представлен как избранник Божий, как человек, особенно близкий Богу, он – гарантия безопасности и стабильности жизни общества.

Эмигрантская экспликация образа России входит в религиозно-мистическое измерение. Трагедия России рассматривалась в категориях жертвы за грехи. Особенно интересно этот вопрос показан исследовательницей во *Взвихренной Руси* Ремизова. Здесь образ страдающего народа, персонифицированная Россия наделены чертами страдающего Христа.

Уместно отметить, что семантика понятия „Родина” в эмиграции приобретает самые разнообразные коннотации. В сознании писателей Родина приобретает значение „страны счастливого детства”, а также выступает как метафора „дома”. Метафоризация детства в автобиографической эмигрантской прозе занимает ключевое место.

Предметом исследований в этой части работы был также вопрос сакрализации русского пейзажа и мифологизация русских городов, часто приобретающих статус святых мест. Автор монографии считает, что и у Бунина и у Зайцева описываемая природа формирует народное сознание. Представление широкого пространства, пишет Сидор, символизируют свободу и безопасность. Москва и Петербург, благодаря своей истории и торжественной архитектурно-пространственной обстановке, занимают особое место.

Подводя итоги наших рассуждений нужно отметить, что представленные в монографии результаты исследования могут быть использованы для дальнейших изысканий по русской духовности в литературе. Анализ и интерпретация произведений могут послужить, в частности, для дальнейшего осмысления творчества четырех видных прозаиков первой волны в религиозно-художественном ракурсе.

Zoja Kuca

Katedra Literatury Rosyjskiej w Instytucie Filologii Słowiańskiej KUL

Алла Громова, *Б.К. Зайцев во Франции*, Орел: Издательство „Картуш” 2007, сс. 207.

Монография А. Громовой выгодно выделяется в ряду текстов, посвященных литературе русского зарубежья тем, что она, во-первых, обращается к творчеству Б.К. Зайцева, которое стало объектом научного изучения лишь с конца 1980-х годов, а во-вторых, принадлежит к числу литературы, построенной на документальной основе, которая отразила главную тенденцию